

-Таллин.- 1990-

Песни Михаила Звездинского надо слушать не раз, не два, не три... Есть в них одна редчайшая особенность: чем больше их слушаешь, тем больше погружаешься в необыкновенный мир, переносясь из одного тревожного времени в другое, становишься вдруг поручиком, готовящимся принять последний бой, и понимаешь, что русское белое офицерство любило свою Родину ничуть не меньше большевиков, пытаешься разглядеть в толпе на пристани любимые глаза графини...

Необыкновенная образность, высокая поэзия, проходящая через душу мелодия — вот что такое песни Звездинского.

Их окружали 8 марта 1980 года — этакая предолимпийская атака, только не вдоль сумрачного Дона, а в Подмошье. У руководителя операции была уже виза Щелокова: «Разобраться, что это за ночные клубы, кто такой Звездинский и что он там поет». Это было приказом о ночной атаке пригородного ресторана. Взяли многих, отпустили всех, кроме одного, — ибо были там люди знаменитые, любимцы народа, чьи имена у всех на слуху. Оставили только Михаила. И не помогла ему даже Галина Леонидовна и ее всемогущий генерал-полковник, который пил стоя за талант Звездинского. Так начались шесть лет строгого режима и последующие два — в ссылке. «Я не попал в Лас-Вегас, Монте-Карло, на севере тогда я отдыхал», — пропоеет он с изрядной долей иронии после, когда все кошмары лагерно-уголовного быта останутся позади.

— Понимаешь, эти шесть лет здорово засорили мой язык. С волками жить — по волчьей выть. Если попробуешь там сказать: «Извините, сударь, но я с вами не могу согласиться» — сразу погучишь по голове. Такие номера там не проходят. Когда-нибудь, возможно, я более

подробно опишу все, что увидел и пережил ТАМ, если будет желание. Пока же есть только память и песни — каторжанский цикл. Его я еще не исполнял в концертах. Чередой дойдет. У меня ведь сейчас в Таллине только что завершился десятый концерт, предстоит одиннадцатый. До этого было три выступления в Москве и шесть — в Ленинграде. А сегодня одиннадцатый... И потом — большая программа. Приглашений очень много...

Фамилия Звездинский — отнюдь не сценический псевдоним. Предки Михаила происходят из Польши, и уж если быть абсолютно точным, то фамилия его должна бы звучать на польский манер несколько иначе — Гвездинский. Но в 1861 году, после шляхтского восстания, семья переехала в Петербург и стала русской, и не только по фамилии — по духу. Бабушка в семнадцать окончила Смольный институт. Дедушка в это время уже был полковником царской армии, военным строителем, специалистом по мостам. Его в тридцать восемь расстреляли, как бывшего... К тому времени Звездинские уже тринадцать лет жили в Москве, и до появления Миши на свет оставалось еще семь лет...

— Бабушка научила меня читать в четыре года, я рос на великой русской поэзии, на Ахматовой, Пастернаке, Гумилеве, Булгакове, Набокове, Мандельштаме. В десять лет, когда мои сверстники зачитывались Жюлем Верном и Майном Ридом, моим любимым писателем был Михаил Булгаков. Не знаю, что предопределило этот выбор — гены или семейная атмосфера, в которой память о деде была святой... Да еще брат писал в то время диссертацию о крахе белого движения, материала было очень много, много споров о трагедии не одного поколения русского офицерства. Я был буквально пропитан этим. Тогда

же начал пощипывать гитарные струны, потом уже учился в музыкальном... Брату так и не дали защитить диссертацию — хрущевской оттепели пришел конец...

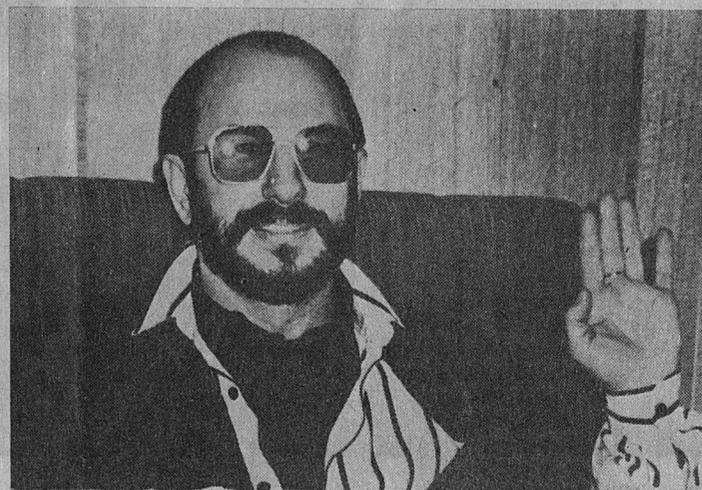
Но очень рано начал писать стихи, и настоящие удачи пришли тоже рано — «Поручика Голицына» он написал в шестнадцать лет. Уму непостижимо! Шестнадцатилетний юноша сумел с такой глубиной проникнуть в сложнейшую тему... Примерно в те же годы — в начале шестидесятых — появились на свет и другие песни так называемого эмигрантского цикла... И тогда умы и души уже завоевывал джаз — и Михаил играл в Малаховке и Любердах, на огромных танцплощадках. За вечер старым платили сто рублей, с 1961 года — десятку. Тогда это были большие деньги, к тому же выходил он на сцену пять раз в неделю. Гаранян, Козлов, Чижик, Бриль были в те годы его сподвижниками, корифеями джаза. Все это давало возможность жить независимо. Были деньги — поэтому ему не надо было работать на продажу, он не писал музыку для того, чтобы прожить, — скорее было наоборот. Много ездил, аккомпанируя Кристалинской, Великановой, другим мастерам эстрады того времени. Сейчас те годы считает самыми плодотворными — успехи в джазе плюс песни для себя, друзей, близких...

Но он постепенно вырастал из рамок танцевальных площадок, кафе. Он создавал свои программы и выступал с ними в ресторанах. Мало кому известные рестораны становились вдруг знаменитыми, стоило там появиться Звездинскому. Там уже никто не мог навязать ему репертуар — «с музыкой народной и словами НКВД». В эти рестораны ближе к полночи съезжалась на Звездинского московская богема, попасть туда — это уже был знак вхожести в высшее общество, в элиту. К нему приезжали только что разгripsi-

После гастролей

Михаил Звездинский: «НЕ ВСЕ НА ПРОДАЖУ»

Несколько монологов в восемнадцатичасовом антракте между десятым и одиннадцатым концертами.

ровавшиеся актеры и актрисы, подкатывали коммерсанты — спонсоры по нашим нынешним понятиям. У него здесь выходила на сцену Алла Пугачева, но никогда не пела те песни, что исполняла на своих концертах, — какие бы деньги ей ни предлагали. ... Номер на двенадцатом этаже «Олимпиады». Только что закончена зарядка, принят душ. По телевизору крутится рекламный ролик — и мы тоже пьем пепси-колу. Аркадий — директор программы — уже уехал в Горхолл, наводит последние штрихи. Времени у нас — точнее, у Михаила — в обрез, но он неторопливо ведет беседу. Конфетка во рту. Рассказывает про сенокос, про Высоцкого, о том, как он иронизировал иногда над увлечением Звездинского белой гвардией, его уходом в ностальгический романс. Разговор переходит на исполнителей его песен.

— Лучше других поет Миша Шуфутинский. Хотя и Вилли Токарев их хорошо чувствует. Но он сюда приезжает со своими куплетами, а мои песни поет в узком кругу. Почему куплетист? Потому что он отличный куплетист — с этим согласны и Вознесенский, и Евтушенко. И за это его полюбили. С 1982 года он ежегодно утю-

жил кассеты, которые хорошо известны в Союзе, а сам приехал только в прошлом году. Теперь, правда, женился на русской женщине и будет здесь бывать чаще... Люба Успенская здорово поет. Правда, она исполняет как кабацкая певица. Но даже Пугачева сказала, что исполняла бы точно так же, с такими интонациями. Кстати, Шуфутинский скоро должен приехать. Его знаменитый ресторан сгорел, сейчас он занимается продюсированием молодых талантов в Калифорнии... Малинин... Нет, мне не нравится, как он исполняет «Поручика». Не нужен такой надрыв — все ведь знают, что у него прекрасный сильный голос. Но тут надрыв ни к чему.

Много пел мои песни Аркадий Северный, даже кассеты выпускал, давал платные концерты — и хорошо пел. С хрипотцой. Как ни странно, но его фамилия Звездин, а Северный — это псевдоним. Он умер в 1984 году, уже опустившимся, спившимся человеком. Жаль...

Кстати, авторство мое он объявлял редко, как и Шуфутинский. Тот вообще поет Розенбаума, ничего не говоря. Саша был в Америке, устроил ему маленький скандалчик, но что толку — мы не защищены. Зарегистриро-

вать «Поручика» в ВААПе я смог только в 1987 году. Хотя перестройка идет с 85-го, но в музыке началась позже. Раньше это сделать было просто невозможно. А сейчас поют такое, что сравнить даже нельзя с тем, что пел я и за что меня упрекали, — это был детский лепет на лужайке.

Семь раз в году — на праздники — Михаил Звездинский в своих ресторанах устраивал ночные концерты, билеты туда стоили дорого — и все равно попасть было архисложно. 8 марта олимпийского года был один из таких концертов. Последний. Его обвинили в нетрудовых доходах, вменив «заработок» в пятьсот рублей. Тогда-то он и увидел в своем деле визу Щелокова. И понял, что деньги тут ни при чем — это только повод.

— Я сто раз мог уехать за границу, мне все говорили: «Дурак, чего ты тут ждешь...» Но я не мог уехать, поехать туда и стать эмигрантом. Я поеду, как нормальный артист, автор собственных вещей, у меня сейчас очень много приглашений, мои песни поют во всех русских клубах мира. Есть приглашение во Францию поработать в фильме по роману Толстого «Эмигранты». Но я поеду и вернусь. Моя Родина здесь.

До одиннадцатого концерта — считанные минуты. Мы едем по улицам, торопясь и попадая на желтый свет. Но инспектора дорожно-патрульной службы сегодня тоже стягиваются поближе к Горхоллу. Мы подъезжаем к служебному входу, и Михаил легко, по-мальчишески, взбегает по ступенькам, махнув на прощанье рукой. А я представляю, как через несколько минут он выйдет на сцену в серебрином свете прожекторов — строгий костюм, бабочка, темные очки. Раздадутся первые аккорды, и первые слова песни потонут в овации зала...

С. СЕРГЕЕВ.